

УДК 94(470)»1965/93»
ББК 63.3(2)6
С24

Николай Сванидзе, Марина Сванидзе
С24 Погибель Империи: Наша история 1965–1993. Похмелье / Николай Сванидзе, Марина Сванидзе — Москва: Издательство АСТ, 2019 — 464 с. — (История России. Хроники)
ISBN: 978-5-17-119826-8

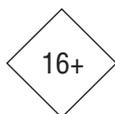
История российского и советского XX века переписывалась многократно. И прошлыми поколениями, и уже на наших глазах.

Отрезок советской истории, начавшийся с приходом к власти Брежнева, хочется сравнить с пенсией в жизни человека. Все течёт само по себе, все поглощены собой, своими простыми запросами, есть время и книжки почитать, и в кино сходить, на работе никто не напрягается, к очередям за всем подряд привыкли, но сыты. Такой спокойной жизни никогда не было. О будущем никто не задумывается. И нет никаких предчувствий, что это сонное время оборвется.

Все изменится вдруг. Окажется, что есть политика, что наше прошлое от нас скрывали, что мы недовольны своей жизнью и хотим перемен. Но мы не знаем и не понимаем, как дорого и долго предстоит расплачиваться за наши заблуждения в XX веке.

В книге представлены документальные свидетельства эпохи: фрагменты дневников, воспоминаний, писем и интервью действующих лиц.

**УДК 94(470)»1965/93»
ББК 63.3(2)6**

Научно-популярное издание

**Николай Сванидзе
Марина Сванидзе**

ПОГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ: НАША ИСТОРИЯ 1965–1993. ПОХМЕЛЬЕ

Руководитель проекта И. Данишевский. Ответственный редактор М. Андриюкова
Компьютерная верстка А. Грених. Дизайн обложки: Д. Агапонов

Подписано в печать 20.10.19. Формат 60х90/16 Усл. печ. л. 29.

Тираж 3000 экз. Заказ №

Печать офсетная. Бумага типографская. Гарнитура HeliosCond.
Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 — книги, брошюры печатные.

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2019 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 705, помещение I, этаж 7
Наш электронный адрес: www.ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085, Мәскеу қаласы, Звездный бульвары, 21-үй, 1-құрылым, 705-бөлме, I-жай, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz. Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., За, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92

Факс: 8(727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

ISBN: 978-5-17-119826-8

© Николай Сванидзе, Марина Сванидзе, текст, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

В 1965 году 9 мая исполняется 20 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне. В 65-м году названы новые цифры погибших в войне — 20 миллионов человек. При Сталине говорилось о семи миллионах.

Впервые, спустя 20 лет, проходит Парад и несут Знамя Победы. Учреждено звание «Город-герой». Только через 20 лет после войны официально начинается поиск и захоронение ранее не погребенных солдат. Через 20 лет после Победы, в 65-м, 9 мая впервые объявляют выходным днем. То есть только в 65-м День Победы делают официальным праздником.

До 65-го года День Победы был почти что подпольным праздником в СССР.

До 65-го года не было легендарных встреч фронтовиков.

Вот они, все в орденах, теперь впервые начинают собираться в сквере у Большого театра, в Парке культуры. Те, кто прошел фронт и выжил, в 65-м году совсем не стары. Тем, кого призвали в середине войны, в 65-м вообще еще только сорок.

Надо сказать, что СССР в год двадцатилетия Победы вообще молодая страна. Во-первых, потому что миллионы погибших на войне не успели стать стариками. Пенсионерами не стали и сотни тысяч погибших в сталинских лагерях. Во-вторых, страна молодая, потому что после войны была очень высокая рождаемость, что естественно: мужчины, которых так ждали всю войну, вернулись домой.

К 65-му году мы подходим с минимальными показателями по смертности среди мужчин. Продолжительность жизни мужчин максимальная за все советские годы. 68 лет. Мы уступаем американцам всего 2,3 года. Но 65-й год рубежный. Именно 65-й год открывает тенденцию, которая будет нарастать все последующие годы двадцатого века.

Начинается неуклонное снижение продолжительности жизни и рост смертности мужчин трудоспособного возраста. Физиологические проблемы здесь не главные.

К середине 60-х годов, без малого за 50 лет советской власти, нация исчерпала ресурс веры в сытое будущее и утратила способность к героическому труду без материальной отдачи. Эффект послевоенной, победной эйфории к 68-му году также сошел на нет. Усталость от повседневных забот берет верх. Политические лозунги не вызывают ничего, кроме безразличия.

Обещание Хрущева, что именно это поколение будет жить при коммунизме, прозвучавшее четыре года назад на XXII съезде, не вызывает ничего, кроме горьких насмешек. Продуктов в магазинах не прибавилось, а цены на масло, молоко и мясо выросли на следующий год после XXII съезда. Тогда, в 62-м, повышение цен в ряде городов обернулось массовыми волнениями. В Новочеркасске демонстрация рабочих подавлена силами армии. Сотни раненых. Двадцать три убитых. Вышедшие на демонстрацию требовали тогда повышения зарплаты и продуктов в магазинах. Председатель правительства СССР Алексей Косыгин на следующий день после новочеркасского расстрела говорит по телефону с министром торговли. Косыгин требует срочной поставки продуктов во взбунтовавшийся Новочеркасск. Вспоминает свидетель того телефонного разговора помощник Косыгина Юрий Фирсов:

«Косыгин говорит министру торговли: «Вы не понимаете, что нельзя сейчас в Новочеркасске оставить пустыми прилавки. Подкиньте какую-нибудь там бакалею всем этим дуракам».

Скорее всего, Косыгин думает: «Господи, куда вас понесло на демонстрацию. Что толку от этого. Вам никто ничего не даст. Ни прибавки к зарплате, ни продуктов. Нечего дать. И «взять неоткуда. Вот, может только бакалею какую-нибудь».

С мясом катастрофа. Государственные закупочные цены давно не покрывают расходов на производство мяса. У Косыгина, отвечающего за советскую экономику, нет источников дополнительного финансирования. Колхозная система неприкосновенна. Решено идти на повышение розничных цен. Повышение цен означает конец тем надеждам, которые были долгим следствием Победы. Так

страшна была война и так велика победа, что ее эффект работал двадцать лет. Потом, ничем не подкрепленный, кончился. На самый хвост этого затухающего эффекта приходится попытка реанимации советской экономики, предпринятая Косыгиным в 65-м году. В сельском хозяйстве реформу начинают после мартовского Пленума ЦК. В промышленности — после сентябрьского Пленума. Еще до всех пленумов 12 февраля 65-го года журнал Time публикует на своей обложке фотографию советского экономиста профессора Харьковского университета Евсея Либермана. Он — консультант Косыгина. В прошлом, в 37-м, был арестован по доносу коллег по Харьковскому инженерно-экономическому институту. Обвинен в шпионаже. У его жены брат за границей. Ее брат — знаменитый пианист Владимир Горовиц. Соседям по камере профессор Либерман пересказывает «Трех мушкетеров». Чудом освобожден в период некоторого спада сталинских репрессий. Счастливая биография, по сталинским временам. В 62-м году, 9 сентября, в газете «Правда» опубликована статья Либермана под заголовком «План, прибыль, премия».

Идея в том, чтобы в советскую плановую экономику ввести рыночные элементы. В 65-м на обложке журнала Time над портретом Либермана советская реформа будет анонсирована под заголовком «Коммунистический флирт с прибылью». Косыгин полагает, что реформа перерастет в нечто большее, чем флирт.

Косыгина нашел Сталин.

Косыгин в 35-м заканчивает учебу в Ленинградском текстильном институте. На последнем курсе работает мастером на текстильной фабрике имени Желябова. Здесь следует уточнить, что Желябов, именем которого названа текстильная фабрика, вовсе не художник по тканям и не технолог легкой промышленности. Желябов — технолог совсем в другой сфере. Он в 1881 году делал бомбы, он бомбист и организатор убийства императора Александра II. Он — террорист. В 1937-м, в год начала Большого террора, Косыгин назначен директором фабрики имени Желябова.

В 38-м его выдвигают на освобожденную партийную работу — заведующим промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома ВКП(б). На этой должности он всего два с половиной месяца, и это его последняя партийная должность. В том же 38-м Косыгин избран председателем исполкома Ленсовета.

То есть Косыгин становится мэром Ленинграда. Предшественник Косыгина на этом посту передает ему дела в течение одного дня. Сидят до ночи. Оба знают, что больше времени не будет. Предшественник Косыгина Петровский арестован через два дня. Расстрелян.

Косыгин встраивается в ряды ленинградского руководства. Ленинградский обком возглавляет Жданов, поставленный после убийства Кирова. На Ленинградский горком поставлен Кузнецов, сделавший карьеру в годы репрессий. То есть новое руководство Ленинграда полностью сталинское. Сталин отбирал этих людей лично.

Через год, в 39-м, Косыгин назначен наркомом текстильной промышленности. А весной сорокового — еще один карьерный рывок. Он — заместитель председателя Совнаркома. Говоря сегодняшним языком, Косыгин — вице-премьер.

На самом деле этого взлета легко могло бы не быть. Дело в том, что до поступления в текстильный институт в годы НЭПа Косыгин занимался бизнесом. И не каким-нибудь, а золотодобычей в Сибири. Собственно, к занятиям бизнесом Косыгина готовил еще его отец. Отец — до революции высококвалифицированный рабочий на минно-торпедном заводе «Леснер» в Петрограде.

У него приличный доход, так что у его сына Алексея есть любимый шоколад «Жорж Борман». Отец Косыгина всю жизнь, с 1910 года, проживает на одном месте, в доме 1/20 на Малой Вульфовой улице, потом ставшей улицей Котовского. В Москву переезжать не захочет. Очень независим. Когда уйдет с завода, будет у себя в доме работать дворником.

Старшего сына до революции выучил в гимназии, младшего, Алексея, в Петроградском коммерческом училище.

Потом рядом со зданием училища появится «Аврора». Косыгин всю жизнь с удовольствием вспоминает свою дореволюционную жизнь. Высокое качество товаров, отменное обслуживание в магазинах. Вспоминает очень недорогой «шведский стол» в вокзальном ресторане в Финляндии, куда ездил с приятелями. Вспоминает кондитерскую «Норд» на Невском.

После революции Косыгин в 15 лет пойдет в армию, но в армии, в отличие от многих других, не останется. Уход из армии может быть связан с впечатлениями от Гражданской войны. Может быть, он просто намерен продолжить образование. Он заканчивает в Петрограде кооперативный техникум. И уезжает в Сибирь, где создает одну из

первых совместных с англичанами концессий по добыче золота. Компания будет называться «Лена Голдфилд». Открывает магазины английских и американских товаров. Это разгар НЭПа. Косыгин увлечен идеей создания в Сибири системы потребительской кооперации. Система должна быть эффективна и прибыльна, т. е. давать продукцию людям и приносить прибыль производителям. Косыгина знают в Новосибирске. Он много ездит, общается, налаживает отношения с иностранными партнерами с сибирскими крестьянами. Революция еще, по сути, не коснулась Сибири. Люди работают, зарабатывают, живут расчетливо, деньги вкладывают в дело.

И тут НЭП, т. е. относительная экономическая свобода, заканчивается. Начинаются сталинская индустриализация и коллективизация. Их приводной ремень — репрессии. В 30-м году Косыгин и ряд кооператоров едут на встречу с секретарем Западно-Сибирского крайкома ВПК (б) Эйхе. Главная цель поездки — понять, каковы перспективы.

Косыгин вспоминает: «Эйхе сказал: «Я сам, ребята, ни хрена не понимаю. Советую — уезжайте учиться». Косыгин, не раздумывая, бросает успешную предпринимательскую деятельность, налаженную обеспеченную жизнь, дом и уезжает в Ленинград. Он трезво оценивает опасность и не медлит, чтобы спасти свою семью и себя.

Он женился в Сибири. На Клавдии Андреевне Кривошеиной. Яркой. С трезвым критическим складом ума. С чутьем на людей. В Москве она потом закончит Промышленную академию машиностроения. Выучит немецкий и французский, чем Косыгин будет гордиться. В 47-м Сталин пригласит Косыгина с женой к себе на ужин в Ливадийский дворец. Сталин в беседе за столом спросит Клавдию Андреевну, как она представляет себе роль жены. Клавдия Андреевна, прежде чем ответить, говорит, что была бы признательна своему собеседнику, если бы он сперва высказал свое мнение по этому поводу.

Сталину вежливость дамы, очевидно, понравилась, и он ответил: «Жена — это товарищ, подруга, любовница, хозяйка дома, воспитательница детей». Клавдия Андреевна сказала, что ни в коем случае не отрицает важность этих характеристик. Но, по ее мнению, «жена — это судьба». Сталин в ответ поднимает тост за женщину, которая определила судьбу Косыгина.

Сталин вспомнит 30-е годы, когда по его, сталинской, воле началась быстрая карьера Косыгина. Клавдия Андреевна, в свою оче-

редь, расскажет, что, пока ее муж учился в институте, она работала в Кронштадте в мастерских и семья жила на ее зарплату.

Надо сказать, в 30-м году, вслед за тем как Косыгин бросил бизнес, покинул Сибирь и приехал в Ленинград, он в 26 лет делает еще один на редкость точный шаг.

Ему тогда по роду его прошлых занятий было выделено место на факультете потребительской кооперации. Казалось бы, прямо его профиль. Но Косыгин выбирает совершенно другую специальность. Он становится инженером-текстильщиком. Он демонстративно рвет все связи с прошлым. Он делает все, что в его силах, чтобы спастись. Это политически выверенное решение. Очень четкое, без романтики, понимание политических реалий.

При этом он определенно хочет заниматься экономикой, а не партийной деятельностью. Очень быстро выяснится, насколько точным был его шаг при выборе специальности. Уже в начале 30-х факультет потребительской кооперации, куда не пошел Косыгин, будет разгромлен. После института до должности зампреда правительства Косыгин поднимается за пять лет. Как зампред он курирует производство товаров народного потребления. Сфера у Сталина непопулярная.

Потом была война. О войне с Косыгиным разговаривал Даниил Гранин, когда они вместе с Алесем Адамовичем готовили «Блокадную книгу». Косыгин в 41-м, в августе, летит в Ленинград в составе комиссии, в которой и Молотов, и Маленков, и Берия. Летят до Череповца. Дальше — паровоз с вагоном. Попадают под бомбежку. Прячутся в грязи в кювете. Пути разбиты. Косыгин говорит наркому военно-морских сил Кузнецову: «Пойдем, посмотрим, что впереди». Стоит состав. Часовые. Косыгин к ним: что за эшелон? Часовые в ответ матом. Косыгин потребовал командира. Тот явился. Извинился. Связались с Ленинградом. Прислали бронепоезд.

В 41-м Косыгин занимается эвакуацией предприятий на восток. Спустя 30 с лишним лет Косыгин помнит множество фамилий, цифр, количество машин. У него редкая память. Он вспоминает Москву в октябре 41-го. Брошенное здание Совнаркома.

Двери распахнуты. Бумаги валяются. Повсюду звонят телефоны. Он бежит из кабинета в кабинет. Берет трубку. Говорит: «Але!» Бежит к другому телефону. Надо, чтобы знали, что в Кремле все работают.

Потом Косыгин говорит о том, как был в Ленинграде зимой 42-го. Он — представитель Государственного Комитета Оборона. Он

говорит о Дороге жизни через Ладогу. Ликвидировали заторы, боролись с излишней бюрократией, улаживали столкновения военных и гражданских властей. Из города везут людей, в город — муку, консервы, крупу. Проложили через озеро трубопровод. На складах с продуктами творилось черт знает что. Наводили порядок. Косыгин в своем рассказе сух, но все равно ощущается, что тогда он был сам себе хозяин. Ездит, отбирает оборудование на вывоз. Организует отправку детей.

Вдруг Косыгин спохватывается. Говорит, что все делается совместно с горкомом партии. На вопрос о разногласиях в руководстве города — ответ: никаких разногласий. Но Жданова Косыгин ни разу не упоминает.

Гранин пишет:

«Косыгин вел свой рассказ, умело огибая запретные места, искусно сворачивая. <...> По обеим сторонам его памяти тянулись запертые, опечатанные двери. Голова его хранила огромные материалы о блокаде, о войне. Расскажи, чего же ждать? Тем более что творили вы нашу историю, нашу судьбу безгласно, решали при закрытых дверях, никому не открывались в своих сомнениях и ошибках <...> Люди стали так немо, словно виновато, уходить из жизни».

Гранин спрашивает Косыгина о выборе во время эвакуации. О выборе между вывозом населения и вывозом оборудования. Между умирающими и станками. Гранин спрашивает о сложнейшем выборе: кому помочь — фронтовикам танками, самолетами или самим ленинградцам. Косыгин отвечает: «И людей вывозили, и оборудование».

Гранин упорствует. Хотя знает, что в том-то и мука была, что Косыгину нельзя было выбирать. С него требовали обеспечивать заводы. И ради этого идти на все. Но надо было и горожан вывозить, каждый день умирали тысячи. Гранин хочет услышать хоть слово о мучительности этого положения, хоть слово горечи. Нет, ни слова. Косыгин продолжает говорить о деле. Об этом он может рассказывать сколько угодно.

Разговор Гранина с Косыгиным происходит в 1978 году в его кабинете Председателя Совета Министров СССР. Это бывший кабинет Сталина. Косыгин сам подсказывает: «Да это же кабинет Сталина».

Гранин в ответ с чувством протянул: «М-да-а». Гранин пишет: «Косыгин бросил на меня взгляд, линиялы его глазки похолодели».

Гранин пишет: «Господи, хоть бы что-нибудь сменил в этом кабинете. Старый, сильный, умный человек, который имеет огромную власть, и так зажат». Вопрос Гранина о Сталине в первый период войны Косыгин прерывает:

«О Сталине лучшие не будем».

Зять Косыгина академик Гвишиани вспоминает:

«Привычка скрывать свои мысли и чувства, приобретенная за годы сталинской службы, осталась у Косыгина навсегда».

Хотя исключения были. Косыгин рассказывает Гранину, что 1942 год встречал с председателем Ленгорисполкома Попковым и с первым замом Сталина в Совнаркоме Вознесенским. Косыгин говорит: решили посмотреть какую-нибудь комедию. Во время просмотра звонит Сталин, вызывает к себе Косыгина, но сначала подробнее расспрашивает, как именно они трое оказались вместе, как сговаривались.

Гранин спрашивает Косыгина: «А что, Сталин интересовался, как, кто, с кем и почему встречается?» И тут Косыгин ударяет кулаком по столу:

«Не вам судить о Сталине».

В 51-м году Вознесенский и Попков, с которыми Косыгин смотрел кино в 42-м году, а также его бывший коллега по Ленинграду, а в 51-м секретарь ЦК ВКП (б) Кузнецов, а также председатель Совмина РСФСР Родионов и второй секретарь Ленинградского горкома Капустин будут расстреляны по так называемому «ленинградскому делу», которое идет в череде сталинских послевоенных репрессий. Под пытками арестованные по «ленинградскому делу» дают показания на Косыгина. Косыгину, как и другим членам Политбюро, каждый день кладут на стол копии допросов. Косыгин каждый раз пишет обстоятельные письма Сталину. Усугубляет дело то, что Косыгин по линии жены приходится дальним родственником Кузнецову.

Жена Косыгина Клавдия Андреевна после ареста Кузнецова скажет дочери: «Случилась большая гадость — Алексея Александровича арестовали». Косыгин скажет мужу дочери: «Знаешь что, давай

соберем, что у нас есть. И выбросим. Всякое может быть». Косыгин имеет в виду два пистолета, которые были в доме. Под видом рыбалки на даче Косыгин с зятем сядут в лодку и утопят оружие.

В 52-м, следующем после «ленинградского дела» году, Косыгина выводят из членов Политбюро. Его избирают только кандидатом в члены Президиума ЦК, который заменил собой Политбюро.

Однако вскоре на одном из совещаний к Косыгину подходит Сталин и произносит: «Ну, как ты, Косыга? Ничего. Ничего, еще поработаешь».

Сталинский ближний круг относится к Косыгину с ревнивым злопамятством. В 47-м Косыгин в какой-то момент оказался в особой зоне сталинского внимания. В 47-м в газетах — фотографии: Сталин и Косыгин с офицерами и матросами крейсера «Молотов». Жена Косыгина скажет тогда ему: «Знаешь, они тебе этого приближения не простят». Тогда же, в 47-м, Сталин доверил Косыгину разработку и проведение денежной реформы. Косыгин эффективен, безусловно предан. Создается ощущение, что Сталин обкатывает Косыгина неспроста. Может быть, Сталин видит в нем будущего премьера.

Косыгин тверд, занят делом без интриги, но и без сантиментов.

В апреле 46-го министр электростанций Жимерин докладывает Косыгину, что «организация зон лагерей на строительстве электростанций задерживается из-за отсутствия колючей проволоки».

Министр просит зампреда правительства дать указание Главному управлению инженерных войск отпустить Главгидроэнергострою 100 тонн колючей проволоки. Проволока для лагерей по косыгинскому указанию отпущена. Через три месяца министр Жимерин обращается к Косыгину с просьбой оказать содействие в увеличении численности заключенных, т. е. рабсилы для строительства.

На записке министра Косыгин ставит резолюцию: «Министру внутренних дел т. Круглову. Прошу вас учесть просьбу т. Жимерина в части увеличения рабочей силы и по возможности удовлетворить. Второй агрегат Нижне-Свирской гидроэлектростанции необходимо пустить в эксплуатацию в установленный срок».

И вот так организованная экономика переходит по наследству к Косыгину после смерти Сталина и после отставки Хрущева. При Брежнев Косыгин становится премьер-министром.

Косыгин как глава правительства в полном объеме пожинает плоды сталинской экономической системы.

Индустриализация не ставила своей задачей и не дала развития промышленности во всем комплексе. Только тяжелая промышленность. Главное — военная промышленность. Главный инструмент индустриализации — принуждение. Политическая система обеспечивает это принуждение в форме дарового труда заключенных и в форме повсеместных уравнилельно низких зарплат для тех, кто на свободе. Эта система принуждения позволяет государству оставлять в своем распоряжении максимальную часть заработанного народного дохода. Эти средства идут на закупку за границей оборудования для военно-промышленного комплекса. Но их недостаточно. Параллельно идет раскулачивание и коллективизация в деревне. Раскулачивание — источник даровой рабочей силы. Коллективизация — удобный способ принудительного изъятия зерна и рабочей силы. Зерно идет на экспорт. Люди из деревни — на гуглаговские стройки. Спровоцированный изъятием зерна голод не останавливает разграбление деревни. Нищие колхозы не в состоянии прокормить города и стройки. Страна живет по карточкам. Но индустриализация продолжается. Массовый террор и бодрая пропагандистская установка на скорую победоносную войну не оставляют сомнений в правильности курса. Культ Сталина намертво скрепляет эту экономическую конструкцию. Если отвлечься от варварских способов индустриализации, если забыть о том, что населению дают совсем мало, а государство берет так много, как и в условиях военного положения, то цифры экономического роста действительно поражают. По официальным статистическим данным, экономический рост за 38–40-й годы — 16,8% в год. По более реалистическим подсчетам — 10% в год, что также очень много.

Картину достижений сталинской экономики завершает советская атомная бомба. Черчиллю даже припишут никогда им не произносимую фразу: «Сталин взял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой». Ни одна строка Пушкина не будет усвоена, впитана массовым сознанием так, так как этот тезис. Между тем для советской экономики он звучит сомнительным комплиментом. Бомбой сыт не будешь. Бомба-то есть, а пахать смысла нет. Не говоря уже о том, чтобы черпать ресурсы в сельском хозяйстве, торговать ими и вкладываться в промышленность. Источник варварской индустриализации исчерпан. За мировой научно-технической революцией катастрофически не поспеваем. Все, что есть, по-прежнему сосредоточено в военно-промышленном комплексе.

К тому же, как только Сталин умирает, начинается исход людей из деревни в город. В 65-м году у нас в деревне людей вдвое меньше, чем в 29-м, до коллективизации, когда Россия еще была с сохой. Колхозы убыточны. При Сталине о дотациях сельскому хозяйству вообще речи не было. Все шло в ВПК. Теперь и рады бы дотировать, да нечем. Приходится поднимать цены на продукты. Массовое недо-вольство выплескивается наружу. Экономика, отстроенная Стали-ным, создает угрозу самому режиму.

Экономическая наука и исторический опыт говорят о том, что изъятие и отправка материальных и людских ресурсов из деревни в город обеспечивает экономический рост в тяжелой промышленно-сти не более чем в течение 40 лет. Дальше следует расплата. Начи-нается неминуемый спад.

Вот такую экономику и получает в наследство премьер Косыгин.

Сельское хозяйство было экономическим приоритетом хрущев-ского правления. Однако, несмотря на постоянное пристальное вни-мание первого лица, результатов нет. Сын Хрущева Сергей вспоми-нает: «Отец не понимал, что же он делает не так. Нервничал, сердился, бранился. Возможно, где-то в глубине души, в подсозна-нии, он начинал понимать, что проблема — в самой системе, однако изменить своим убеждениям не мог».

В 63-м в Кремле всерьез обдумывают введение продуктовых карточек. Советская экономика делает опасной политическую ситуа-цию в СССР. Косыгин поддерживает идею смещения Хрущева. Бреж-нев обсуждает этот вопрос с Косыгиным еще в феврале 64-го, за восемь месяцев до того, как Хрущев был отправлен в отставку. Вспо-минает внук Косыгина Алексей: «Хорошо помню, как к деду на дачу в Архангельское приехали Брежнев с женой. После ужина бабушка с Викторией Петровной остались пить чай в гостиной, а дед с Лео-нидом Ильичом отправились на прогулку. Думаю, что тогда и был впервые поставлен перед дедом этот вопрос». Именно Косыгин пе-ред переворотом проводит разговор с министром обороны Мали-новским и заручается его поддержкой.

Косыгин выступает на Президиуме ЦК. Косыгин говорит: «При решении вопроса о Н. С. Хрущеве полумерами ограничиться нельзя». Косыгин обращается к Хрущеву:

«Вы, видимо, с нами не согласитесь. Но вас нужно освободить от всех постов».

Косыгин заявляет, что надо разделить посты Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совмина, которые совмещал Хрущев. В этот же день на Пленуме ЦК Первым секретарем избран Брежнев, Косыгин становится Председателем Совета Министров СССР.

В 65-м, после смещения автора политической оттепели Хрущева, экономист Косыгин дает надежду на оттепель в экономике. Начинается недолгая косыгинская экономическая реформа.

В 70-х, когда реформа давно уже будет свернута, Косыгин, сидя осенью на даче в Паланге, прокручивает в голове — чего же он хотел и почему ничего не вышло.

Итак. Вся жизнь главным советским экономическим показателем был вал. Вопрос — есть спрос на продукцию, нет — предприятие не интересовало. Он, Косыгин, из дореволюционного небытия или своего нэповского прошлого извлек такое понятие, как прибыль.

Оплата труда должна зависеть от прибыли предприятия, т.е. рабочие и управленцы материально заинтересованы в том, чтобы предприятие, где они работают, было успешно.

Исходя из прибыли создается фонд накоплений. Часть идет на повышение зарплаты или премии. А другая часть прибыли после уплаты налогов идет на развитие производства. Если эти средства просчитать с банковским кредитом, то бюджет в будущем освободится от раздачи безвозмездных ассигнований предприятиям, чем было принято заниматься долгие советские годы.

Он рассчитывал, что со временем, раскрутившись, предприятия будут сами вкладываться в расширение производства и страна наконец-то будет жить по средствам.

Косыгин вспоминает, как в 61-м году, принимая зампреда правительства Чехословакии Шимунека в своем, а в прошлом — в сталинском кабинете, сказал: «Видите, в каких кабинетах и под какими люстрами мы сидим. А ведь мы уже давно живем не по средствам. Так можно далеко зайти».

Однако предложенная Косыгиным реформа в случае успеха способна также далеко завести. Косыгинская реформа, по сути, в перспективе меняет отношения между государством и экономикой, а это уже ломка всей системы.

Системный человек, Косыгин не ставил такие задачи. Это — во-первых. Во-вторых, советская бюрократическая система способна провалить любую реформу.

Косыгин часто уезжает и запирается на даче в Паланге. Прибалтика пользуется популярностью у советского руководства. Глава МГК Гришин тоже будет отдыхать в Паланге. У Андропова — строится дача в Эстонии.

Андропов поставлен на КГБ в 67-м. Вместо Семичастного. История замены Семичастного на Андропова в определенном смысле связана с Косыгиным.

Осенью 66-го к Косыгину приходит дочь Сталина Светлана Аллилуева с просьбой о выезде в Индию, в связи со смертью ее индийского мужа. Этот вопрос Косыгин никак не мог решить, не посоветовавшись с Брежневым. Он советуется. Брежнев говорит: «Черт с ней, пускай едет». И Косыгин дает Светлане Аллилуевой разрешение на отъезд.

В следующем году она уезжает в США, где выпускает книгу с критикой сталинизма и послесталинского периода. Вот после этого глава КГБ Семичастный и заменен на Андропова.

Косыгин в Паланге без охраны гуляет по пирсу. Стоило ли затевать реформу? Но ведь ситуация была невозможная.

Производитель продукции и ее заказчик не могут выбирать друг друга. Даже если они соприкасаются заборами. Попытка установить естественные горизонтальные экономические связи сводится на нет, потому что все должно быть утверждено наверху.

А дать «добро» рискованно, потому что план никто не отменял. А министерства, в свою очередь, должны отчитываться перед ЦК партии.

Он, Косыгин, решился тогда на невероятный шаг. Он начал борьбу за отмену отраслевых отделов ЦК КПСС. То есть за устранение партийного контроля над экономикой. Он не ставил перед собой политических задач. Просто экономика иначе отказывается работать.

Косыгин настаивает. Грозит отставкой. Предлагает оставить под контролем ЦК только Военно-промышленный комплекс. На самом деле Косыгин предлагает компромиссный вариант. Дело в том, что ВПК Косыгин никогда не контролировал. Этим занимается Устинов. Устинов с 65-го года — секретарь ЦК по оборонным вопросам. Устинов — один из ближайших людей к Брежневу, который сам ранее курировал ВПК. Устинов всегда выигрывает у Косыгина при дележке бюджетных средств. Теперь Косыгин предлагает выпустить из-под партийного контроля и так нелюбимые гражданские отрасли эконо-